

ЧИТАЙТЕ КНИГИ ОЛЕГА РОЯ

Мир над пропастью
Муж, жена, любовница
Улыбка черного кота
Дом без выхода
Капкан супружеской свободы
Обещание нежности
Нелепая привычка жить
Амальгама счастья
Обняться, чтобы уцелеть
Украденное счастье
Барселонская галерея
Эдельвейсы для Евы
Мужчина в окне напротив
Сценарий собственных ошибок
В сетях интриг
Галерея «Максим»
Банкротство мнимых ценностей
Вдали от рая
Паутина лжи
Игра без правил
Шаль
Тайна
Искупление
Тот, кто стоит за плечом
Письма из прошлого
Три краски
Одно чудесное пари
Человек за шкафом
Повторный брак

Дочки-матери, или Каникулы в Атяшево
Я тебя никому не отдам
Привет, моя радость!
Двойная жизнь
Фамильные ценности, или Возврату не подлежит
Писатель и балерина
Семь признаков счастья
Маскарад на семь персон
Синдром Атяшево
Не оставляй меня, любимый!
Код личного счастья
Тайный шифр художника
Зов дельфина
Герой ее романа
Верь в меня
Домовой
Запасной козырь
Принцесса отражений
Римские каникулы
Будем как боги
Зеленая тетрадь
Прости
Неслучайные встречи

Дилогия «Белый квадрат»

Лепесток сакуры
Захват судьбы

Трилогия «Три цвета любви»

Три цвета любви
Три ступени вверх
Три судьбы

О Л Е Г
Р О Й

ИСКУПЛЕНИЕ

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р65

Редактор серии *Полина Корицкая*
Оформление серии *Натальи Каштъкиной*

Рой, Олег.

Р65 Искупление : роман / Олег Рой. — Москва :
Эксмо, 2025. — 352 с.

ISBN 978-5-04-210997-3

Что общего между холемым мужчиной, владельцем одной из самых крутых строительных компаний, уважаемым любимцем женщин и благотворительных организаций, и девочкой-попрошайкой, подбирающей остатки пищи на задворках ресторанов? Правильно – незащищенность перед ударами судьбы. Сегодня Станислав Шаповалов – на недосягаемой для простых смертных высоте. Завтра – вычеркнут из списка живых. Сегодня Танечка Кузнецова – на дне жизни. Но ее дно окажется нечаянной радостью, небывалым счастьем для Стаса.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© О. Рой, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-210997-3

*Памяти моего сына Женечки
посвящается*

Пролог

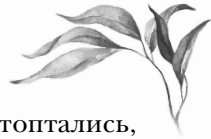
С НЕЗАПАМЯТНЫХ ВРЕМЕН ДО НОВОГОДНЕЙ НОЧИ

За долгий свой век этот особняк, расположенный почти в самом центре Москвы, видывал многое, очень многое...

Он помнил еще времена своей юности, когда почти все домики в округе были ниже его и он, новенький, пахнувший свежей известкой, с блестящей на солнце крышей, презрительно поглядывал с высоты на своих малорослых собратьев, которые не заслоняли ему вид на главную улицу Первопрестольной. С утра до ночи мог он тогда наблюдать из своего переулкa, как проносятся по Тверской кареты, громыхая колесами и разбивая в пыль булыжную мостовую, как текут вдоль по улице людские реки и как шарахается в стороны народ, завидев мчащийся экипаж и слышав крик «Пади, пади!» — ведь разделения на тротуары и проезжую часть тогда еще не было и в помине.

Потом его маленьких соседей стали сносить, а на их месте начали вырастать каменные великаны в три, четыре и даже шесть этажей. Особняк лишился вида на Тверскую, но жизнь вокруг него продолжала кипеть. Под его окнами проезжали коляски важных сановников, спешащих в Кремль на заседание, чинно проходили накрахмаленные бонны, выводящие детишек гулять на бульвар, спешили в университет студенты, шустрые мальчишки затевали во дворе игры и потасовки. Вечерами, шурша дутыми шинами, пронеслись щегольские лихачи, унося своих подгулявших седоков на запад Москвы — в «Эльдорадо», «Мавританию», «Стрельну» или к «Яру».

Помнил особняк и как сотрясались его стены от грохота выстрелов в смутные дни революции, и как суетились, собираясь в спешке, его тогдашние хозяева и их домочадцы, торопившиеся скорее покинуть охваченный мятежом город. Глава семьи уверял тогда всех, что уезжают они ненадолго, скоро бунт подавят и все вернется на круги своя. Но сбыться его предсказаниям было не суждено, и больше дом никогда не видел этих своих жильцов. Их заменили другие — многочисленные, горластые, склочные, неряшливые. Крепя сердце, с огромной неохотой привыкал особняк к новой жизни, к шуму коммунальных распрей, к пьяным песням под визжащую гармошку в праздники, к вечной грязи и кучам окурков папирос и самокруток на некогда сверкавшей чистотой мраморной лестнице. Стены и потолки дома закоптились от чада многочисленных примусов и керосинок, стекла окон, которые теперь почти никогда не мыли, потускнели и запылились,

прекрасные мозаичные дубовые полы истоптались, покрылись коростой грязных следов. Не по душе дому были новые жильцы, но и их он стал жалеть, когда спустя годы по ночам к его подъезду стали вкрадчиво подъезжать сперва черные «воронки», а потом автозаки с надписью «Хлеб» на борту, и дом настороженно прислушивался к гулким властным шагам на лестнице, к всхлипываниям арестованных, их горьким прощальным словам.

Потом все окна особняка заклеили крест-накрест полосками бумаги, плотно занавесили темной тканью, так, чтобы даже крошечный лучик света не смог пробиться наружу. И снова его стены сотрясались от близких разрывов бомб и ожесточенной пальбы зениток, а по ночам на крыше дежурили жильцы, оберегая дом от падающих снарядов, которые сбрасывали вниз, в бочки с водой и песком. Но война наконец отгремела, и счастливый дом праздновал победу вместе со своими жильцами. Те, кому довелось пережить эти страшные четыре года, теперь забирались на крышу особняка, чтобы увидеть грандиозный парад, а вечером полюбоваться расцветающими в темном небе разноцветными гроздьями салюта.

После войны жильцов из особняка выселили, и шумный коммунальный быт сменился монотонной канцелярской рутинной — в доме обосновалось какое-то скучное государственное учреждение. Озабоченно сновали служащие, щелкали костяшки счетов, трещали арифмометры, повсюду лежали пыльные папки с разлохмаченными тесемками. Лишь изредка где-нибудь в уголке коридора раздавался звонкий молодой голос или весе-

лый смех, но тут же затихал под строгими взглядами более серьезных коллег. И снова слышалось шуршание бумаг и стук печатных машинок — с утра и до вечера, когда служащие расходились по домам и запиралась входная дверь. Погрузившийся в тишину, особняк тихонько вздыхал, вспоминая вечера в ушедшие годы, бравурные рулады рояля, балы при свечах, домашние концерты, легкие девичьи шаги по анфиладе комнат... Ему не с кем было поделиться этими воспоминаниями. Разве что с вязом, росшим у его северной стены. Дом помнил его еще тоненьким гибким побегом, застенчиво шелестевшим весной свежими зелеными листьями. Теперь вяз стал могучим высоким деревом с узловатым стволом и тяжелой ветвистой кроной. Изредка они переговаривались, вспоминали прошлое и с грустью отмечали те невеселые перемены, что происходили вокруг. Жизнь кипела, столица строилась и менялась, становясь, быть может, более современной и комфортной для жизни, но при этом безвозвратно теряя то неповторимое очарование старины, которое принято называть душой Москвы. Как было не грустить об этом особняку и старому вязу?! С каждым днем вокруг оставалось все меньше и меньше напоминаний о былых временах, настал момент, когда и они исчезли совсем. Зажатый с двух сторон массивными многоэтажными новыми домами, особняк, оставшийся самым старым строением в округе, уже начинал казаться самому себе жалким, дряхлым и никчемным.

И все-таки дом жил, с интересом вглядывался в прохожих глазами-окнами, бодро хлопал дверью подъезда, терпеливо сносил порывы ветра, ливни и снегопады,

прислушивался к шелестению вяза и к неумолчному шуму огромного города, частью которого он стал давно и, как ему казалось, навсегда.

Оказалось, что не навсегда.

Теперь дом умирал. Умирал мучительно и долго.

Собственно, сейчас и домом-то его можно было назвать с большой натяжкой. Теперь он превратился в руины, нелепо торчащие в переулке, словно скелет причудливого доисторического животного. Чтобы скрыть эту неприглядную картину, особняк затянули грязно-зеленой сеткой и слегка прикрыли строительными лесами. Дом обнесли дощатым забором, за которым сразу же выросли кучи ржавых бессмысленных железок и прочего мусора. Лишь кое-где из унылого хлама остро торчали немногие уцелевшие прутья прежней красивой ограды.

Окутанный строительной сеткой, шершавой и жесткой, дом почти ослеп. Сквозь мутное зеленое марево он видел лишь неясные переливы света и тьмы да тусклые огни уличных фонарей, слышал отдаленный гул Тверской улицы и негромкое поскрипывание вяза, который тоже переживал нелучшие свои времена. Про них попросту забыли, и жизнь потеряла для них всякий смысл. Порой дому даже хотелось, чтобы к его стенам подъехал громоздкий неуклюжий кран с тяжелым чугунным шаром на стреле и все бы разом закончилось после нескольких грубых ударов, рассыпалось бы в прах — уже навсегда. Но этими своими мыслями он не делился даже с другом-вязом.

Дни шли, они складывались в месяцы, месяцы в годы, а допотопный костистый скелет с выступающими

каменными ребрами все так же неизменно торчал в переулке. Полуоглохший, полуслепший, полуживой, не обращающий внимания на то, что творилось у него внутри и творилось ли что-нибудь вообще.

Но сегодня все было иначе. Что-то произошло. Что-то необычное и страшное. Дом чувствовал, как по его полуобвалившимся лестницам поднимается все выше и выше тугой сгусток боли, тоски и отчаяния. Как медлит он у зияющих окон, как останавливается в комнате наверху, а потом снова продолжает свое упорное восхождение. Вот он бредет по чердаку, выбирается через слуховое окно на крышу, приближается к ее краю...

Дом не видел, кто это, просто ощущал боль, безысходность, тоску. Все то, что он сам так хорошо знал и так сильно прочувствовал за годы забвения.

А вот вяз прекрасно видел, что происходит на ржавой дырявой крыше особняка. Бывшего особняка...

Странный декабрь выдался в этом году – теплый, почти бесснежный, похожий то ли на раннюю весну, то ли на позднюю осень, но уж никак не на русскую зиму с ее высоченными сугробами и трескучими морозами. До последних дней месяца ждали москвичи похолодания и снегопада, с надеждой слушали прогнозы погоды, а потом махнули рукой. Видно, не судьба в этот раз встретить Новый год по-настоящему, насладиться видом припорошенных снежком деревьев, паданьем пушистых хлопьев да морозным скрипом под ногами. Да и бог с ним. Если задуматься, то есть в жизни проблемы и поважнее, куда поважнее...

И вдруг, нежданно-негаданно, вопреки всем предсказаниям синоптиков, прямо в новогоднюю ночь начался снегопад. Снег повалил, закружил, завьюжил Москву, за какой-то час укрыл ее всю пушистым своим одеялом, подарив к празднику жителям и гостям столицы ощущение волшебства и сказки.

Лег снег ровным ковром и на крышу особняка, скрыв все ее неприглядные дыры, ржавые пятна и прочие старческие болячки. Разом приобрела крыша чистенький, аккуратный, ухоженный вид — но внешность, как известно, нередко бывает обманчива. И потому старый вяз с тревогой наблюдал за высоким мужчиной, который двигался по скользкой крыше, отзывавшейся на каждый шаг глухим бормотанием, и остановился в опасной близости к ее краю. Мужчина, несмотря на зимний колючий ветер, был без шапки, стильное, явно очень дорогое пальто как-то особенно ладно сидело на нем. Был он гладко выбрит, модно пострижен — сразу ясно, что весьма состоятельный субъект. И также сразу понятно стало вязу, как мучительно плохо этому человеку, как он опустошен и подавлен.

Мужчина стоял и безучастно смотрел на город, раскинувшийся вокруг. На переулок, на украшенные новогодними гирляндами здания на Тверской, на сияющую рекламу, на призывно пульсирующие вывески магазинов и ресторанов, на людей внизу, спешащих по улицам, чтобы сейчас, когда до Нового года оставалось всего-навсего несколько часов, успеть докупить все необходимое для праздничного стола или забытые впопыхах подарки. У кого-то на лице было написано ожидание, у кого-то беспокойство, у кого-то раздра-

жение. В эти предновогодние радостно-хлопотливые часы жизнь вокруг особняка в обыкновенно тихом переулке так и кипела, спешила, бурлила, точно вода в стоящей на плите кастрюле, переливаясь через край.

Только лицо мужчины, неподвижно застывшего на крыше, оставалось бесстрастным. Однако эта маска отрешенного спокойствия не смогла обмануть пытливого наблюдателя. Старое дерево, кое-что повидавшее на своем веку, сразу поняло: на эту крышу мужчина поднялся с одной-единственной целью — уйти из жизни. Вяз догадался об этом намного раньше, чем увидел, как мужчина вынул из внутреннего кармана пальто блестящий в свете фонаря черный револьвер. Увидел — и замер, боясь неосторожно шевельнуть хоть какой-нибудь из своих ветвей.

Неподвижно постояв несколько минут и еще раз окинув взглядом город, мужчина вздохнул, решительно поднял руку и шагнул к краю. Крыша тут же отозвалась глухим ворчанием. В лицо мужчине жадно дохнула гулкая пустота. Еще один миг...

И в этот момент вяз услышал, как вскрикнул откуда-то из темноты чей-то звонкий голос:

— Стас! Не надо!..

Глава 1

ЗА ВОСЕМЬ ДНЕЙ ДО НОВОГО ГОДА

Старому вязу, который с тревогой наблюдал за так испугавшей его сценой, было, конечно, невдомек, что стало причиной драматического действия, разыгравшегося на крыше. Он понятия не имел, что началась вся эта история примерно неделей раньше, в доме совсем неподалеку, в каких-то нескольких сотнях метров от их переулка. Впрочем, что ж удивительного в подобной близости? Ведь, в сущности, Москва — маленький город. Если речь, конечно, идет о самой Москве, а не о выросшем вокруг нее современном мегаполисе с однотипными многоэтажными блочно-панельными муравейниками. Ну да какая они Москва! Они — Марьино, Митино, Выхино, Жулебино, Бутово и прочие бывшие деревни, пусть и потерявшие свой сельский облик, но так и не сумевшие стать городом, стать *настоящей* Москвой. С ее историей, с ее преданиями и легендами, с ее неповторимым очарованием, то слышным в шелесте листвы на бульварах, то зримо проглядывающим

в тихом дворе Замоскворечья, то вдруг мелькнувшим в упругом изгибе одного из знаменитых ее семи холмов... Но оставим в стороне лирику и вернемся к истории, которую читатель уже давно должен узнать. И прежде всего обратимся к дому, в котором все и началось.

Кроме близкого месторасположения, дом, о котором сейчас пойдет речь, не имел ничего общего с допотопным чудищем в переулке, затянутым строительной сеткой и обреченным на медленное умирание. Был он моложе на добрую сотню лет, гораздо выше и гораздо больше, имел несколько подъездов и насчитывал семь этажей. Фасад его выходил прямо на Тверскую, занимая половину квартала, и один этот факт заставлял дом сохранять и постоянно поддерживать солидный и одновременно молодцеватый вид. Внизу — сверкающие витрины магазинов и зеркальные окна ресторанов, на верхних этажах — огромные квартиры, когда-то роскошные частные, затем, долгое время — жуткого вида коммуналки, разделенные фанерой на клетушки и больше похожие на захламленный лабиринт, чем на человеческое жилье. Однако, к великой радости дома, пару десятков лет назад этот ужасный период его жизни закончился. Квартиры опять стали принадлежать не целой толпе разношерстных съемщиков, а одному хозяину, стараниями которого они вновь обрели жилой вид, расстались с лишними стенами, изменили планировку, принарядились и засверкали, украсились новой мебелью и множеством мелочей, которые могут позволить себе только очень состоятельные люди. Ну а другие люди, как известно, квартиры на Тверской и не покупают.

К числу таких вот владельцев элитного жилья на главной улице столицы и принадлежал герой этой истории, Станислав Михайлович Шаповалов, крупный бизнесмен, президент одной из ведущих московских строительных компаний, человек на редкость успешный и благополучный. Зрелый, но далеко еще не критический возраст (всего-то сорок!), привлекательный мужественный облик, с первого взгляда вызывающий доверие у мужчин и интерес у женщин, солидный бизнес, немалое состояние — казалось бы, что еще можно желать от жизни? Но тем и страшно подобное благополучие, что оно может рухнуть в один-единственный миг. А падать с большой высоты, как известно, куда больнее и опаснее, чем с малой...

Впрочем, еще в середине дня двадцать третьего декабря Стас и мысли не мог допустить, что в его жизни что-то может измениться в худшую сторону. Год заканчивался для него вполне благополучно. Можно было бы даже сказать удачно, если б не крайне неприятное происшествие, случившееся в ноябре — загадочная гибель Андрея Жданова, его правой руки. Однако за полтора месяца Станислав уже успел сжиться с этой трагедией и полностью отрегулировать работу компании, пошатнувшуюся было из-за такой серьезной потери. Конец года вышел, конечно, очень нелегким для него, но теперь все оставалось позади, и не имелось никаких препятствий для того, чтобы как следует отдохнуть. Зимние каникулы Стас планировал провести в Европе, в компании своей подружки, двадцатидвухлетней длинноногой блондинки Олеси, начинающей певицы, которая недавно записала свой первый аль-

бом — разумеется, исключительно благодаря помощи Станислава. Так что перспективы в этот слякотный зимний день открывались для него самые радужные.

Стас только что вернулся домой из ресторана, где обедал с приятелем, тоже, кстати, отбывавшим сегодня вечером на каникулы. Но приятель уезжал поездом в семь вечера, а самолет Стаса с Олесей вылетал из Шереметьево-2 около полуночи. Так что до поездки в аэропорт оставалось еще немало времени, и Станислав неторопливо собирал чемоданы, расхаживая туда-сюда по своей огромной восьмикомнатной квартире. Здесь, в его любимом доме, находилось место для всего — и для рабочего кабинета, и для спортивного зала, и для двух ванн, и для столовой, которая при необходимости могла вместить до полусотни гостей. Олеся была в восторге от его жилья, казавшегося ей настоящими хорумами, она день и ночь мечтала перебраться сюда, но Стас не торопился поселить ее у себя. Когда-то, что называется, на заре туманной юности, он уже приобрел неудачный опыт жизни в браке и теперь, готовясь разменять пятый десяток, все еще не ощутил потребности создавать семью. И уж тем более не испытывал потребности создавать видимость семьи с женщиной, которая хоть и привлекала его сексуально, но совсем не была ему близким человеком, а главное — не стремилась им стать. Нет, конечно, Олеся из кожи вон лезла, чтобы всячески продемонстрировать ему свою любовь и изобразить заботу. В те дни, которые они проводили вместе, она была особенно очаровательна, нежна и внимательна к нему, по десять раз спрашивала, не хочет ли он выпить чаю и не при-

готовить ли ему ванну... Но вот поинтересоваться тем, что творится у него на душе, поговорить о вещах, которые его действительно интересуют, которые для него значимы, послушать, как он предается воспоминаниям (что греха таить, это одно из самых любимых занятий всех людей, чей возраст приблизился или приближается к сорока), — ничего подобного вообще никогда не приходило ей в голову. Впрочем, Стаса такие вещи особенно и не тревожили. Ему нравилось встречаться с Олесей, проводить с ней уик-энды и отпуска, возить ее в рестораны и на многочисленные светские тусовки, где он постоянно был вынужден появляться, а делать это в компании такой красивой и яркой спутницы было совсем не стыдно. Но и то, что жила Олеся в отдельной квартире, которую, разумеется, он сам для нее и снимал, Стаса тоже вполне устраивало. А дружеские подколки женатых приятелей, интересовавшихся в форме более или менее удачных острот, не грустно ли ему одному в такой большой квартире, Стас и вовсе пропускал мимо ушей. Это им, прошедшим значительную часть своей жизни в коммуналках и малогабаритках, подобный стиль существования казался странным. Он же, Станислав Шаповалов, чуть ли не двадцать лет прожил за границей, в Западной Европе, где апартаменты из нескольких просторных комнат для холостого человека считаются нормой, а не роскошью, и потому ориентировался на совсем иные, не российские, а цивилизованные образцы менталитета.

Планы на отпуск у Станислава были самые грандиозные. Он собирался показать Олесе Европу, которую та, почитай, еще почти не видела (десятидневные по-

ездки в Барселону, в Хорватию и на Кипр Стас всерьез не воспринимал), побродить по любимым улочкам старых городов, увидаться с несколькими своими однокашниками по Оксфорду, с которыми они договорились встретиться в Париже, а также как следует отдохнуть от дел и забот, насладившись празднованием Рождества. Но, как известно, загад не бывает богат...

Все началось со звонка мобильного. Так уж повелось, что в наши дни о большинстве трагедий сообщает именно телефонный сигнал, подобно тому, как в стародавние времена гул набата оповещал жителей округи о пожарах и нападениях недругов. Современные набаты стали гораздо меньше и компактнее, они напичканы электроникой и имеют куда больше возможностей, чем старинные колокола, но главная функция — сигнал тревоги — так и осталась при них. Впрочем, когда Стас снимал трубку, он еще понятия не имел, насколько дурные новости его ожидают. Взглянув на светящийся экран, он узнал лишь то, что ему звонит Сергей Головин, начальник службы безопасности принадлежащей Станиславу компании «ОСК».

— Алло, Сергей, слушаю тебя, — безмятежно ответил Стас. И был буквально сбит с ног тут же выплеснувшимся на него потоком ошеломляющей информации.

— Станислав Михайлович, беда! — прозвучало в трубке. За все время знакомства с Головиным, а это был не год, не два и даже не пять, Стас еще никогда не слышал у него таких взволнованных интонаций. — Вас собираются задержать за убийство Андрея Жданова. Обнаружились какие-то очень веские улики против вас, какие — мне пока неизвестно...